

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Революция и Капитализм. (Текст, предшествующий Философским рассуждениям)

Михаил Бакунин

Михаил Бакунин
Революция и Капитализм. (Текст, предшествующий
Философским рассуждениям)
1871

Oeuvres

текст представляет собой фрагмент, который соединяет
первый выпуск "Кнута-Германской Империи и
Социальной Революции" с "Философскими
рассуждениями о божественном призраке...". Переведено
по изданию Гильома, в последующем перевод будет
дополняться сведениями из IISG. Название текста и
главки - выдуманы переводчиком, в оригинале их нет.

ru.anarchistlibraries.net

1871

Оглавление

1. Кровавость Революции	5
2. Капиталистическая система	12
3. Власть и свобода	29

мог даже мечтать о ней? Откуда взялась эта чудовищная мечта? Откуда же она взялась? Из теологии, науки о Небытии, а затем из метафизики, которая является наукой о невозможном примирении Небытия с реальностью.

Не следует путать теологию с религией, а теологический дух – с религиозным чувством. Религия берет свое начало в животном мире. Она является прямым выражением абсолютной зависимости всех вещей и существ в мире от Великого Целого, от Природы, от бесконечной Целостности реальных вещей и существ⁹.

[далее идет "Философское рассуждение о божественном призраке..."]

⁹ Именно здесь Бакунин поместил заголовок «Приложение: Философские рассуждения о божественном призраке, о действительном мире и о человеке», который он дал уже после того, как изложил содержание листков 105 и последующих, и первый из подзаголовков (I. Система мира) пяти разделов, на которые он разделил это Приложение. Абзац, который мы прочтем на следующей странице (с. 216), «Здесь не место заниматься философскими спекуляциями о природе Сущего...», в рукописи следует сразу за тем, который заканчивается словами: «бесконечной Целостности реальных вещей и существ». – Дж. Г.

1. Кровавость Революции

¹Революция, впрочем, ни мстительна, ни кровава. Она не требует ни смерти, ни даже массовой или индивидуальной депортации всего этого бонапартистского сброда, который, вооружившись мощным оружием и гораздо лучше

¹ Перед абзацем, начинающимся словами «Революция, впрочем...», верхнюю часть страницы 82 этого фрагмента рукописи (82-256) занимают четыре зачеркнутые строки – конец главы, заключение которой в более развернутом виде содержится на страницах 81 *новой* и 82 *новой* большой рукописи (см. «Кнута-германская империя...», глава «Да здравствуют пруссаки! Долой Социальную Революцию!», строка начинается «Именно так! Таково неоспоримо...» и заканчивается словами «...допустят выдачу её пруссакам?»). Эти зачеркнутые строки, последние три из которых почти дословно воспроизведены автором на странице 82 последнего издания (там же, строки, начинающиеся с «...Франции, станут преступниками...»), следующие:

«... [рассматривая вопрос лишь с точки зрения патриотизма, разве не ясно, что эти люди, принявшие на себя диктаторскую власть во имя спасения Франции,] несмотря на все свои антипатии, выбирают Революцию. И не окажутся ли они сами предателями, если из ненависти к Революции передадут Францию пруссакам или хотя бы допустят её передачу?».

Строка отделяет эти четыре строки от следующего за ними абзаца, начинающего очередную главу. Но если в последнем черновике этот абзац (заимствованный из марсельской рукописи) начинается словами: «Вот уже скоро месяц, как императорский режим, опрокинутый прусскими штыками, низвергнут в прах...», – начало длинной инвективы (осмеивающего памфлета) в адрес бонапартистского режима, то абзац в первом черновике: «Революция, впрочем, ни мстительна, ни кровава...» вводит читателя в другой порядок идей. – Дж. Г.

организованный, чем Республика, открыто замышляет зло против Республики, против Франции. Она требует лишь заключения под стражу всех бонапартистов *в качестве простой меры всеобщей безопасности* до конца войны, *до тех пор, пока эти мошенники и мошенницы не отдадут, по крайней мере, девять десятых своих богатств, уворованных у Франции*. После чего она сможет им позволить уйти, куда они захотят, даже оставив несколько тысяч ливров ренты каждому, дабы они могли кормить на старости лет себя и свой стыд. Как видите, это была бы мера ни в коем случае не жестокая, но очень продуктивная, в высшей степени справедливая и абсолютно необходимая с точки зрения спасения Франции.

Революция, с тех пор как она приняла социалистический характер, перестала быть кровожадной и жестокой. Народ вовсе не жесток, жестоки лишь привилегированные классы. Временами они восстают, разъярённые всеми обманами, всеми досадами, всеми притеснениями и мучениями, жертвами которых они являются, и тогда они бросаются вперед, как разъяренный бык, не видя перед собой ничего и круша всё на своём пути. Но это очень редкие и очень короткие моменты. А сейчас он добр и человечен. Он слишком много страдает сам, чтобы не сочувствовать тем, кто страдает. Слишком часто, увы! слишком часто, он служил инструментом систематического гнева привилегированных классов. Все эти национальные, религиозные и политические идеи, за которые он проливал свою кровь и кровь своих братьев, чужих народов, никогда не служили ничему, кроме интересов этих классов, и всегда оборачивались против него новым угнетением и эксплуатацией. Во всех яростных сценах в истории каждой страны, где народные массы, разъяренные до безумия, уничтожали друг друга, вы всегда найдете за этими массами агитаторов и руководителей, принадлежащих к привилегированным

Что такое свобода? Что такое рабство? Состоит ли свобода человека в том, чтобы восстать против всех законов? *Нет*, если эти законы – естественные, экономические и социальные, не навязанные властью, а присущие вещам, отношениям и ситуациям, естественное развитие которых они выражают. *Да*, в той мере, в какой это политические и юридические законы, навязанные людьми людям либо силой, насильственно, либо лицемерно, во имя какой-либо религии или метафизической доктрины, либо, наконец, в силу той фикции, той демократической лжи, которая называется всеобщим избирательным правом.

Человек не может восстать против законов природы по той простой причине, что он лишь продукт этой природы и существует только в силу этих законов. Поэтому восстание против них было бы нелепой попыткой с его стороны, бунтом против самого себя, настоящим самоубийством. И даже когда человек решает уничтожить себя, даже когда он осуществляет этот план, он все равно действует в соответствии с этими естественными законами, от которых его не может освободить ничто, ни мысль, ни воля, ни отчаяние, ни любая другая страсть, ни жизнь, ни смерть. Он сам есть не что иное, как природа; его самые возвышенные или чудовищные чувства, самые отреченные, эгоистические или героические определения его воли, его самые абстрактные, теологические и безумные мысли – все это не что иное, как природа. Природа окутывает его, пронизывает его, составляет все его существование: как он может покинуть эту природу?

Удивительно, что ему вообще могла прийти в голову мысль покинуть ее. Разлука так невозможна, как человек

как это часто бывает при их создании, с того, что ставят у власти самых достойных, самых либеральных, самых преданных общему благу и самых способных служить ему, всегда заканчивают тем, *что превращают естественное и, как таковое, совершенно законное влияние этих людей в право*, производя двойное моральное разложение, двойное зло.

Во-первых, они имеют непосредственный и прямой эффект превращения людей, которые действительно свободны, в граждан, которые также якобы свободны и которые, благодаря единственной иллюзии и увлечению, даже продолжают считать себя равными всем остальным, но в действительности *теперь вынуждены подчиняться представителям закона*, людям. И даже если эти люди, с экономической и социальной точки зрения, действительно равны им, с политической точки зрения они, тем не менее, становятся правителями, которым, под предлогом общественного блага и в силу так называемой воли народа, выраженной в резолюции, принятой даже не единогласно, а большинством голосов, все граждане обязаны *пассивно повиноваться*, естественно, в пределах, установленных законом, пределах, которые, как учит нас повседневный опыт, всегда очень широки для права начальства и узки исключительно для гражданина, желающего воспользоваться правом законного неповиновения.

Так вот, я заявляю, что до тех пор, пока граждане подчиняются официальным представителям закона, лидерам, навязанным им Государством, даже если эти лидеры были утверждены всеобщим голосованием, они, граждане, будут являться рабами.

классам: офицерам, дворянам, священникам или буржуа. Поэтому не в людях, а в инстинктах, страстях, политических и религиозных институтах привилегированных классов, в Церкви и Государстве, в их законах и в безжалостном и незаконном применении этих законов мы должны искать жестокость и холодный, концентрированный и систематически организованный гнев.

Я показал гнев буржуазии в 1848 году. Гнев 1792, 1793 и 1794 годов также был исключительно буржуазным. Знаменитая авиньонская резня (октябрь 1791 года), открывшая эпоху политических убийств во Франции, была направлена и частично исполнена, с одной стороны, священниками и дворянами, а с другой – буржуа. Убийства в Вандее, совершенные крестьянами, также были заказаны реакционным дворянством в союзе с церковью. Те, кто отдавал приказы о сентябрьских расправах, все без исключения были буржуа, и что менее известно, так это то, что инициаторы самих казней, большинство главных расправ, также принадлежали к этому классу². Колло д'Эрбуа, Панис, поклонник

² Чтобы доказать это, я процитирую свидетельство господина Мишле:

«Заклученные могли быть легко убиты в своей тюрьме: *но тогда это не могло быть представлено как спонтанный акт* народа. Должна была быть видимость случайности; если бы они отправились в путь пешком, случайность быстрее послужила бы цели расправы; но они попросили кареты. Двадцать четыре пленника были размещены в шести каретах, что обеспечило им некоторую защиту. Резня должна была найти способ либо раздражить пленников бесчинствами до такой степени, чтобы они потеряли терпение, вышли из себя, забыли позаботиться о своей жизни и, казалось, спровоцировали бы и заслужили бы своё несчастье; либо *раздражили бы народ, возбудили его ярость против пленников*; это и попытались сделать в первую очередь. Медленное шествие шести повозок носило характер жестокой выставки: «Вот они, – кричали участники резни, – вот они, предатели! те, кто отдал Верден тем, кто собирался перерезать горло вашим женам и детям... Давайте, помогите нам, убейте их!»

Робеспьера, Шометт, Бурдон, Фукье-Тенвиль, олицетворе-

Это не сработало. Толпа раздражалась, это правда, лаяла вокруг, но не действовала. Ни на набережной, ни при переходе через Пон-Нёф, ни на улице Дофин не было никакого результата. Мы прибыли на перекресток Буси, недалеко от аббатства, не сумев ни утомить терпение заключённых, *ни убедить народ наложить на них руки.* Нам предстояло попасть в тюрьму, и нельзя было терять времени. Если бы их убили по прибытии, не подготовив дело какой-нибудь квази-народной демонстрацией, стало бы ясно, что *они погибли по приказу властей.* На перекрестке, где был устроен театр вербовки, образовалось большое скопление народа. Воспользовавшись неразберихой, бойцы перешли на их сторону и стали наносить удары саблями и пиками прямо по каретам. Один из заключённых с тростью, то ли из самозащиты, то ли из презрения к этим несчастным, избивавшим безоружных людей, ударил одного из них тростью по лицу. Таким образом, он дал повод, которого мы ждали. Несколько человек были убиты в самих каретах, другие – при спуске во двор аббатства... Это была первая резня...

Резня продолжалась в аббатстве. Любопытно узнать, *кто был участниками этой резни?*

Первыми, как мы видели, были федераты из Марсея, Авиньона и других частей юга Франции, к которым присоединились, если верить традиции, несколько мальчишек-мясников, несколько грубых торговцев, особенно молодые мальчишки, мальчишки, которые уже были крепкими и могли плохо поступить, подмастерья, которых жестоко воспитывали с помощью побоев и которые в такие дни дают сдачи первому встречному; среди них был маленький парикмахер, который убил несколько человек своей собственной рукой.

Однако в более позднем *расследовании* о септембризорах (убийствах сентябрьской резни) *не упоминается ни один из этих двух классов,* ни солдаты с Юга, ни народная толпа, которая, несомненно, ушла в прошлое и больше не могла быть найдена. Он упоминает только о *состоявшихся людях,* которых удалось разыскать, – всего пятьдесят три человека из окрестностей, *почти все торговцы* с улицы Сент-Маргерит и соседних улиц. *Они принадлежали к разным профессиям: часовщики, производители лимонада, мясники, выращивающие фрукты, колбасники, булочники, пекари и так далее.* В городе работает только один мясник. Есть несколько портных, в том числе два немца или, возможно, эльзасца.

Если верить этому расследованию, эти люди хвастались не только тем, что убили большое количество пленных, но и тем, что творили ужасающие зверства над труппами.

Разве это не клевета? Нет, это в природе вещей и в логической необходимости тех отношений, которые существуют между начальниками и их работниками⁸.

3. Власть и свобода

Хотите, чтобы люди не угнетали других? Пусть у них никогда не будет такой возможности. Хотите, чтобы они уважали свободу, права, человеческий характер своих братьев? Пусть их заставят уважать их: *заставят не волей или деспотичным действием других людей, не репрессиями Государства и законов, обязательно представляемых и применяемых людьми, которые, в свою очередь, сделают их рабами, а самой организацией социальной среды: Организация, созданная таким образом, что, предоставляя каждому человеку возможность в полной мере пользоваться своей свободой, она не оставляет никому возможности возвыситься над другими или господствовать над ними, кроме как под естественным влиянием интеллектуальных или моральных качеств, которыми он обладает, без того, чтобы это влияние когда-либо могло навязать себя в качестве права или быть поддержано каким-либо политическим институтом.*

Все политические институты, даже самые демократические и основанные на самом широком применении всеобщего избирательного права, даже если они начинают,

⁸ Здесь заканчивается английский перевод, озаглавленный как «Капиталистическая система».

ровольной, но экономически принудительной, постоянная кабала, на мгновение прерываемая свободой, сопровождаемой голодом, и, следовательно, настоящим рабством.

Это рабство проявляется в повседневной практике во всех возможных способах. Помимо и без того неприятных условий контракта, делающих рабочего подчиненным, послушным и пассивным слугой, а начальника – квазиабсолютным хозяином, хорошо известно, что едва ли найдется промышленное предприятие, где хозяин, движимый, с одной стороны, двойным инстинктом корысти, аппетит которого никогда не удовлетворяется, а с другой – хозяином, которому нравится заявлять о своем всемогуществе, и, с другой стороны, пользуясь экономической зависимостью, в которой находится рабочий, не преступает эти условия к своей выгоде и в ущерб рабочему: то требуя от него работать больше часов, или полчаса, или четверть часа, чем было условлено, то снижая под любым предлогом его заработную плату, то налагая на него произвольные штрафы или обращаясь с ним грубо, дерзко и невежливо. Но тогда рабочий должен уйти от него, скажете вы. Это легко сказать, но не всегда можно сделать. Иногда работник получает авансы, его жена или дети больны, или работа в его отрасли плохо оплачивается. Другие работодатели платят еще меньше, чем его собственный, и когда он уходит от одного работодателя, он не всегда уверен, что найдет другого. И, как мы уже говорили, для него остаться без работы – значит умереть. Более того, все начальники ладят между собой и выглядят одинаково. Все они почти одинаково назойливы, несправедливы и суровы.

Были ли эти торговцы из окрестностей аббатства, соседи Кордельеров, Марата и, несомненно, его постоянные читатели, элитой маратистов, которых Коммуна призвала скомпрометировать Национальную гвардию во время резни, прикрыть ее буржуазным мундиром, чтобы помешать огромной массе Национальной гвардии вмешаться и остановить кровопролитие? Это неправдоподобно.

Однако нет особой необходимости прибегать к этой гипотезе. Во время следствия они сами заявили, что заключенные оскорбляли их и провоцировали каждый день через ворота, что они угрожали им приходом пруссаков и наказаниями, которые их ожидали.

Самое жестокое уже ощущалось: это было полное прекращение торговли, банкротства, закрытие магазинов, разорение и голод, гибель Парижа. РАБОЧИЕ ЧАСТО ПЕРЕНОСЯТ ГОЛОД ЛУЧШЕ, ЧЕМ ЛАВОЧНИКИ – БАНКРОТСТВО. Этому есть много причин, но прежде всего необходимо учитывать одну: во Франции это не простое несчастье (как в Англии и Америке), а потеря чести (). Faire honneur à ses affaires (делать честь своему делу) – французская поговорка, которая существует только во Франции. ЛАВОЧНИК В БАНКРОТСТВЕ, здесь, СТАНОВИТСЯ ОЧЕНЬ ЖЕСТОКИМ.

Эти люди три года ждали окончания Революции, они ни на минуту не сомневались, что король покончит с ней, положившись на Лафайета. Кто же помешал ему, если не придворные, не священники, содержавшиеся в аббатстве? «Они потеряли и нас, и себя», – говорили эти разъярённые торговцы, – «пусть теперь умрут!»

Несомненно, паника сыграла большую роль в их ярости. Набат будоражил их разум – (как патриотические песни, которыми сегодня рабочие Лиона и Марселя заполняют улицы и которые мешают спать лавочникам), – палившие пушки действовали на них как пушки пруссаков. Разрушенные, отчаявшиеся, опьянённые яростью и страхом, они бросались на врага, по крайней мере на тех, кто был в пределах досягаемости, безоружен, кого не очень трудно было победить и кого они могли убить в своё удовольствие, почти не покидая своих домов». (Histoire de la Révolution française, J. Michelet, том IV) – Похоже, что господин Мишле написал эти страницы после того, как стал свидетелем июньских дней и ужасных расправ, холоднокровно учинённых буржуа Парижа над безоружными рабочими в последующие дни. (Примечание Бакунина.)

Нет необходимости указывать на то, насколько противоречит действительности интерпретация Мишле движения сентябрьских дней – того великолепного импульса, который «привлёл всех французских граждан на сторону врага», до такой степени, что Генеральный совет Коммуны был вынужден предложить «рабочим профессий первой необходи-

ние революционного лицемерия и гильотины, Каррьер, нантский утопленник, – все эти люди были буржуа. Комитет общественной безопасности, расчетливый, холодный, законный террор, сама гильотина – всё это были буржуазные институты. Народ был лишь зрителем, а иногда, увы! и глупым аплодирующим этим проявлениям лицемерной законности и буржуазного политического гнева. После казни Дантона они даже стали его жертвами.

Якобинская, буржуазная, исключительно политическая революция 1792-1794 годов неизбежно должна была привести к юридическому лицемерию и решению всех трудностей и вопросов победоносным аргументом гильотины.

Когда для того, чтобы уничтожить реакцию, довольствуются её проявлениями, не касаясь её корня и причин, которые всегда порождают её заново, неизбежно приходят к необходимости убить много людей, истребить, с помощью

мости» остаться в Париже (приказ Генерального совета от 8 сентября 1792 года). Мишле склонен к очернению; он не умеет видеть вещи такими, какими они были, он хочет видеть их такими, какими их представляет его большое воображение, населённое призраками, перед его галлюцинтормым взором. Со своей стороны, Бакунин забывает, что за несколько недель до этого сам писал: «Возьмитесь за оружие, уничтожьте пруссаков во внутренних районах, чтобы ни одного не осталось, и бегите на защиту Парижа». Большинство суждений Бакунина о Французской революции – например, его преувеличенная оценка роли Дантона (главка «Деградация Буржуазии» Исторических софизмов) – заимствованы у Мишле. – Дж. Г

() Господин Мишле ошибается, лавочника беспокоит не потеря чести, а потеря кредита и рана, нанесённая буржуазному тщеславию. Лавочник так мало ценит свою честь, что не желает ничего лучшего, чем нарушить все свои обязательства, если он может сделать это, выиграв, а не проиграв. Что касается его чести, то она полностью проявляется в фальшивом весе и фальшивой мере, а также в отравлении и корыстной порче всех своих товаров. (Примечание Бакунина)

справедливо замечает, что если бы договор, *свободно* заключаемый между продавцами денег в форме заработной платы на таких-то и таких-то условиях труда и продавцами их собственного труда, то есть между работодателями и рабочими, вместо того чтобы заключаться только на срок, заключался бы на всю жизнь, то он представлял бы собой настоящее рабство. Заключение на срок и сохраняющий за рабочим право покинуть своего работодателя, он представляет собой не что иное, как своего рода *добровольное и временное* крепостное право. Да, временное и добровольное, только с юридической точки зрения, но ни в коем случае не с точки зрения экономической возможности. Рабочий всегда имеет *право* уйти от своего начальника, но есть ли у него для этого средства? И если он уйдет, будет ли это началом свободного существования, где у него не будет хозяина, кроме него самого? Нет, это будет продажа себя новому начальнику. Он неизбежно будет подталкиваться к этому тем же голодом, который уже продал его первому. Таким образом, его свобода, свобода рабочего, столь превозносимая экономистами, юристами и буржуазными республиканцами, – это лишь теоретическая свобода без каких-либо возможных средств осуществления, а значит, полностью фиктивная свобода, ложь. Истина заключается в том, что вся жизнь рабочего – это не что иное, как опустошающая непрерывность кабалы, юридически доб-

пускает никакой другой логики, кроме логики фактов, – единственный недостаток ее, я бы сказал, в том, что она написана, частично, но только частично, в слишком метафизическом и абстрактном стиле, что, несомненно, ввело в заблуждение брюссельскую «*Liberté*» и что делает ее трудной для чтения и более или менее недоступной для большинства рабочих. И все же именно рабочие должны ее прочитать. Буржуа никогда не прочтут ее, а если и прочтут, то не захотят понять, а если и поймут, то никогда не станут говорить о ней; эта работа – не что иное, как смертный приговор, научно обоснованный и бесповоротно вынесенный не им как личностям, а их классу (Примечание Бакунина).

заклучения трудового договора, по которому он в конце концов продаст капиталисту свою личность и свою свободу, потому что страшная угроза голода, которая ежедневно нависает над ним и всей его семьей, заставит его принять все условия, навязанные ему корыстными расчетами капиталиста, промышленника, начальника.

После заключения договора рабство работника удваивается; вернее, до заключения договора, подстегиваемый голодом, он был лишь потенциальным крепостным, только по необходимости продающим себя; после заключения договора он становится настоящим крепостным. Ведь что такое товар, который он продал хозяину? Это его работа, его личное служение, телесная, интеллектуальная и моральная производительная сила, которая находится внутри него и неотделима от его личности, – следовательно, это его собственная личность. Отныне начальник будет следить за ним, непосредственно или через своих бригадиров; начальник будет руководить его действиями и движениями каждый день, в оговоренные часы и при оговоренных условиях. Он скажет: «Ты сделаешь это», и рабочий будет вынужден это сделать; или: «Ты пойдешь туда», и он будет вынужден туда пойти. Разве это не то, что мы называем крепостным правом?

Господин Карл Маркс, прославленный лидер немецкого коммунизма, в своем великолепном труде «*Kapital*»⁷

⁷ *Das Kapital, Kritik der politischen Oekonomie*, von Karl MARX; *Erster Band*. Эту работу давно следовало бы перевести на французский язык, ибо ни одна из них, насколько мне известно, не содержит столь глубокого, яркого, научного, решительного и, если можно так выразиться, беспощадно разоблачительного анализа образования буржуазного капитала и того систематического и жестокого воздействия, которое этот капитал продолжает оказывать на труд пролетариата. Единственный недостаток этой работы, совершенно позитивистской, что бы ни говорили в брюссельской «*Liberté*», – позитивистской в том смысле, что, основанная на глубоком изучении экономических фактов, она не до-

или без помощи юридических форм, как можно больше реакционеров. Неизбежно случается, что, убив многих из них, революционеры приходят к меланхоличному убеждению, что они ничего не выиграли и даже не сделали ни одного шага вперед; что, напротив, они оказали ей плохую услугу и своими руками подготовили торжество реакции. Этому есть две причины: первая – поскольку причины реакции были пощажены, она воспроизводится и множится в новых формах; вторая – бойня и резня всегда заканчиваются тем, что отвращают человеческое в людях и вскоре обращают народное чувство на сторону жертв.

Революция 1793 года, что бы о ней ни говорили, не была ни социалистической, ни материалистической, или, если воспользоваться претенциозным выражением господина Гамбетты, она вообще не была *позитивистской*. Она была по сути своей буржуазной, якобинской, метафизической, политической и идеалистической. Щедрая и бесконечно широкая в своих устремлениях, она хотела невозможного: установления идеального равенства в самом сердце материального неравенства. Сохраняя все условия экономического неравенства как *священные основы*, она верила, что сможет объединить и охватить всех людей огромным чувством братского, человеческого, интеллектуального, морального, политического и социального равенства. Это была её мечта, её религия, проявившаяся в энтузиазме и грандиозных героических поступках её лучших и величайших представителей. Но осуществить эту мечту было невозможно, поскольку она противоречила всем природным и общественным законам.

2. Капиталистическая система

Должны ли мы повторять непреодолимые аргументы социализма, аргументы, которые ни одному буржуазному экономисту так и не удалось разрушить? – Что такое собственность и капитал *в их нынешней форме*? Для капиталиста и собственника это власть и право, гарантированные и защищённые Государством, жить, не работая, а поскольку ни собственность, ни капитал не производят ничего, когда они не оплодотворены трудом, то это власть и право жить за счёт труда других, эксплуатировать труд тех, кто, не имея ни собственности, ни капитала, вынужден продавать свою производительную силу счастливым обладателям того или другого.

³Заметьте, что я совершенно оставляю в стороне этот вопрос: Как собственность и капитал попали в руки их нынешних владельцев? Это вопрос, который, если рассматривать его с точки зрения истории, логики и справедливости, не может быть решён иначе, как против собственников. Я лишь замечу, что собственники и капиталисты, *если они живут не за счёт своего производительного труда*, а за счёт ренты на свою землю, ренты на свои здания и процентов на свой капитал, или за счёт спекуляций на своей земле, своих зданиях и своём капитале, или от эксплуатации, торговой или промышленной, ручного труда пролетариата, – спекуляции и эксплуатации, которые, несомненно, тоже представляют собой своего рода труд, но совершенно непроизводительный труд (воры и короли тоже работают таким образом), – все эти люди, говорю я, живут во вред пролетариату.

³ Отсюда начинается отрывок под заглавием «Капиталистическая система» из книги «*The Political Philosophy of Bakunin*» Григория Максимова.

а из-за желания улучшить свое положение, которое, по сравнению с положением рабочих, уже очень удобно, он может подождать; И он будет ждать, потому что деловой опыт научил его, что сопротивление рабочих, которые, не имея ни капитала, ни комфорта, ни больших сбережений, придавлены безжалостной необходимостью, голодом, – что это сопротивление не может длиться очень долго и что в конце концов он найдет сотню рабочих, которых ищет, и которые будут *вынуждены принять те условия, которые он сочтет нужным им навязать*. Если они откажутся, придут другие, которые с радостью согласятся. Так все и происходит каждый день, на глазах у всех.

Если даже, вследствие особых обстоятельств, которые имеют более постоянное влияние на состояние рынка, отрасль промышленности, в которой он первоначально предполагал применить свой капитал, не дает ему всех тех выгод, на которые он рассчитывал, то он приложит этот же капитал к другой отрасли; буржуазный капитал не привязан по своей природе ни к какой особой отрасли, а оплодотворяет, как говорят экономисты, – эксплуатирует, мы бы сказали, – безразлично все возможные отрасли. И наконец, если по причине неспособности или не зависящего от него несчастья он не может вложить деньги в какую-либо отрасль, то он купит акции или приобретет собственность чтобы жить за счет ренты; а если получаемых процентов и дивидендов окажется недостаточно, он займется обслуживанием, то есть будет продавать свой труд, но на гораздо более выгодных для себя условиях, чем те, которые он предлагал своим рабочим.

Поэтому капиталист приходит на рынок как человек если не абсолютно свободный, то, по крайней мере, бесконечно более свободный, чем рабочий. Это встреча корысти и голода, хозяина и раба. Юридически они равны, экономически же рабочий – крепостной капиталиста, *еще до*

прикрепится к этому капиталисту, не следует ли из этого, что оба они находятся в совершенно равных условиях, появляясь на рынке как два одинаково свободных торговца? По крайней мере, с *юридической* точки зрения, и принося, один, товар, который называется *дневной заработной платой*, либо за день, либо за иной срок, и желая обменять его на другой товар, который называется *ежедневным трудом* рабочего, столько-то часов в день; а другой приносит свой собственный товар, который называется *его собственным ежедневным трудом* и который он хочет обменять на заработную плату, предлагаемую капиталистом. Поскольку, по нашему предположению, спрос предъявляется на сто рабочих, а предложение – от сотни рабочих, то получается, что с обеих сторон условия равны.

Нет, это совсем не так. Что приводит капиталиста на рынок? Потребность обогатиться, увеличить свой капитал, удовлетворить все общественные амбиции и тщеславие, доставить себе все мыслимые удовольствия. Что движет рабочим? Необходимость есть сегодня и завтра, голод. Капиталист и рабочий, таким образом, равны с точки зрения юридической фикции, но совсем не равны с точки зрения их экономического или реального положения. Капиталисту не угрожает голод, когда он приходит на рынок; он прекрасно знает, что если он не найдет сегодня рабочих, которых ищет, то ему всегда будет что поесть в течение долгого времени благодаря капиталу, которым он гордится. Если рабочие, которых он встречает на рынке, делают ему предложения, которые кажутся завышенными, потому что, не увеличивая его состояние и не улучшая его экономическое положение, эти предложения и эти условия могли бы, я не говорю, уравнивать его, но лишь немного приблизить к экономическому положению тех самых рабочих, чей труд он хочет купить, что же он делает? Он отказывает им и ждет. Поскольку он торопится не из-за необходимости,

Я прекрасно знаю, что этот образ жизни бесконечно почитается во всех цивилизованных странах; что он прямо, заботливо охраняется всеми Государствами; что Государства, религии, все юридические, уголовные и гражданские законы, все политические правительства, монархические и республиканские, с их огромными полицейскими и судебными управлениями и постоянными армиями, не имеют другой задачи, кроме как освящать и защищать его. В присутствии столь могущественных и уважаемых властей я даже не позволяю себе спросить, законен ли такой образ жизни с точки зрения человеческой справедливости, свободы, равенства и братства? Я просто спрашиваю себя: возможны ли в этих условиях братство и равенство между эксплуататорами и эксплуатируемыми, а также Справедливость и свобода для эксплуатируемых?

Допустим даже, как утверждают Господа буржуазные экономисты, а вместе с ними и все юристы, все поклонники и верующие в юридическое право, все эти жрецы уголовного и гражданского кодекса, допустим, что эти экономические отношения между эксплуататорами и эксплуатируемыми совершенно законны, что они являются фатальным следствием, продуктом вечного и нерушимого социального закона: всё равно остаётся верным, что эксплуатация исключает братство и равенство.

Это исключает экономическое равенство, что само собой разумеется. Предположим, что я – ваш рабочий, а вы – мой начальник. Если я предлагаю вам свой труд по возможно более низкой цене, если я согласен позволить вам жить на продукт моего труда, то это, конечно, не из преданности, не из братской любви к вам, – ни один буржуазный эконо-

мист не осмелится утверждать этого, какими бы идилическими и наивными ни были рассуждения этих господ, когда они начинают говорить о взаимных отношениях и чувствах, которые *должны* существовать между хозяевами и рабочими, – нет, я делаю это потому, что, если бы я этого не делал, я и моя семья умерли бы с голоду. Поэтому я вынужден продавать вам свой труд по минимально возможной цене, меня заставляет это делать голод.

Но, говорят экономисты, собственники, капиталисты, хозяева, *ровно также* вынуждены искать и покупать труд пролетария. – Правда, они вынуждены это делать, но не в *равной* степени. Ах! Если бы существовало равенство между требующим и предлагающим, между необходимостью покупать труд и необходимостью его продавать, рабства и страданий пролетариата не существовало бы. Но тогда не было бы ни капиталистов, ни собственников, ни пролетариата, ни богатых, ни бедных, а были бы только рабочие. Эксплуататоры являются и могут быть таковыми только потому, что этого равенства не существует.

Его нет, потому что в современном обществе, где производство богатства осуществляется путём вмешательства капитала, оплачивающего труд, рост населения происходит гораздо быстрее, чем рост этого производства, из чего следует, что предложение труда должно всё больше и больше превышать спрос на него, что должно иметь своим непреложным следствием *относительное* снижение заработной платы. Таким образом, производство, монополизированное и эксплуатируемое буржуазным капиталом, вынуждено, с одной стороны, в силу конкуренции между капиталистами, всё более и более концентрироваться в руках всё меньшего числа очень могущественных капиталистов, – мелкий и средний капитал, естественно, уступает в этой смертельной борьбе, так как он не может производить по той же цене, что и крупные капиталисты, – или да-

словом, хочу иметь все удовольствия жизни. Я также хочу дать своим детям хорошее образование, сделать из них господ и заставить их учиться, чтобы, будучи гораздо лучше образованными, чем ваши, они могли в один прекрасный день начать господствовать над ними, как я господствую над вами сегодня. А поскольку одного образования недостаточно, я хочу оставить им большое наследство, чтобы, разделив его между собой, они остались по крайней мере такими же богатыми, как я.

Следовательно, помимо удовольствий, которые я хочу себе доставить, я хочу увеличить свой капитал. Как я могу этого добиться? Вооружившись этим капиталом, я предлагаю эксплуатировать вас и позволять вам эксплуатировать меня. Вы будете работать, а я буду собирать, присваивать и продавать за свой счет продукт вашего труда, оставляя вам только ту часть, которая абсолютно необходима, чтобы вы не голодали сегодня, чтобы завтра вы могли работать на меня на тех же условиях; и, когда я истощу вас, я прогоню вас и заменю другими. Я хочу, чтобы вы знали: я буду платить вам как можно меньше, навязывать вам как можно более длинный рабочий день и как можно более суровые, деспотичные и жесткие условия труда; не по злобе – у меня нет причин ненавидеть вас или причинять вам вред, – а из любви к наживе, чтобы быстрее разбогатеть, потому что чем меньше я вам заплачу и чем тяжелее вы будете работать, тем больше я заработаю».

Это то, что каждый капиталист, каждый промышленный предприниматель, каждый менеджер, каждый претендент на работу негласно говорит рабочим, которых он нанимает.

Но поскольку спрос и предложение равны, можно сказать, почему рабочие должны соглашаться на такие условия? Поскольку капиталисту необходимо нанять сотню рабочих в той же мере, в какой сотне рабочих необходимо

ными случаями и болезнями, которые могут произойти в его семье. Что касается несчастных случаев и болезней, которые могут поразить его самого, то они представляют собой риск, по сравнению с которым все риски руководителя учреждения, хозяина, ничтожны: ведь для рабочего болезнь, поражающая единственное его достояние, его производительную способность, его рабочую силу, особенно продолжительная болезнь, – это самое страшное банкротство, банкротство, которое означает для его детей и для него самого голод и смерть.

Ясно, что при тех условиях, которые я, капиталист, нуждающийся в сотне рабочих для накопления своего капитала, навязываю этим рабочим, все преимущества достаются мне, все недостатки – им. Я предлагаю им не больше и не меньше, как эксплуатировать их, и если бы я хотел быть искренним, чего я, несомненно, избегаю, я бы сказал им:

Видите ли, мои дорогие дети, у меня здесь капитал, который, строго говоря, ничего не должен производить, потому что мертвая вещь не может ничего произвести; единственная производительная вещь – это труд. Если бы это было так, я не мог бы использовать его иначе, чем непроизводительно, и, израсходовав его, я остался бы ни с чем. Но благодаря социальным и политическим учреждениям, которые управляют нами и которые все в мою пользу, при нынешней экономической организации мой капитал тоже должен производить: он дает мне *процент*. С кого берется этот процент – а он должен с кого-то браться, поскольку в действительности он вообще ничего не производит, – вас не касается. Вам достаточно знать, что он приносит проценты. Только этих процентов недостаточно, чтобы покрыть мои расходы. Я не такой грубый человек, как вы, я не могу и не хочу довольствоваться меньшим. Я хочу жить хорошо, хочу жить в красивом доме, хочу хорошо есть и пить, хочу ездить в карете, хочу хорошо выглядеть,

же в руках акционерных обществ, более могущественных благодаря объединению их капиталов, чем самые крупные изолированные капиталисты; с другой стороны, он вынужден, в силу той же конкуренции, продавать свои товары по возможно более низкой цене. Достичь этого двойного результата можно только путём вытеснения всё большего числа мелких и средних капиталистов, спекулянтов, торговцев и промышленников из мира эксплуататоров в мир эксплуатируемого пролетариата и путём прогрессивной (всевозрастающей) экономии на заработной плате этого же пролетариата.

С другой стороны, по мере увеличения массы пролетариата, вследствие естественного роста населения, который, как мы знаем, нищета сама по себе мало останавливает, и вследствие изгнания в его среду всё большего числа буржуа, бывших собственников, капиталистов, торговцев и промышленников, – а увеличивается оно, как я только что сказал, в большей пропорции, чем потребности производства, эксплуатируемого в ограниченном товариществе буржуазным капиталом, – результатом этого является губительная конкуренция между самими рабочими; Ибо, не имея других средств существования, кроме своего ручного труда, они, под страхом быть заменёнными другими, вынуждены продавать свой труд по возможно более низкой цене. Эта тенденция рабочих, вернее, эта необходимость, на которую они сами себя обрекают своей бедностью, в сочетании с более или менее вынужденной тенденцией хозяев продавать продукты *своих* рабочих, а следовательно, и покупать их труд, по возможно более низкой цене, постоянно воспроизводит и закрепляет нищету пролетариата. Будучи нищим, рабочий вынужден продавать свой труд почти за бесценок, и, поскольку он продаёт его почти за бесценок, он становится всё более и более нищим.

Да, еще более нищим, правда! Потому что в этом рабочем труде производительные силы рабочего, применяемые не по назначению, нещадно эксплуатируемые, чрезмерно расходуемые и очень плохо питаемые, быстро изнашиваются; а когда они изнашиваются, что стоит его труд на рынке, какова стоимость этого уникального *товара*, которым он владеет и ежедневная продажа которого обеспечивает его существование? Ничего, и что же? Тогда ему ничего не остается, как умереть.

Какова самая низкая возможная зарплата в данной стране? Это цена того, что пролетарии этой страны считают *абсолютно необходимым* для содержания человека. Буржуазные экономисты всех стран сходятся в этом вопросе.

Тюрго, которого мы называем *добродетельным министром* Людовика XVI и который на самом деле был хорошим человеком, сказал:

«Простой работник, обладающий только своими руками и ремеслом, имеет только столько сколько ему удастся продать свой труд. Он продает его дороже или дешевле, но цена за труд не зависит от него самого: она составляет результат соглашения с тем, кто оплачивает его труд. Последний старается заплатить за труд как можно дешевле. Имея выбор между значительным количеством работников, наниматель предпочитает того, кто соглашается работать за самую низкую цену. *Работники должны, поэтому, друг пред другом понижать цену за свой труд. При таком положении вещей во всех родах труда должен установиться и в действительности устанавливается, такой порядок, что заработная плата работника ограничивается лишь*

ным он ни казался. В наши дни все банкротства более или менее мошеннические. Но даже если он не сохранил абсолютно ничего, у него остаются его семейные союзы, его социальные отношения, которые, с помощью образования, которое его потерянный капитал позволил ему приобрести и дать своим детям, позволили ему поместить их и себя в высший пролетариат, в *привилегированный пролетариат*: либо на какой-нибудь Государственной должности, либо в качестве наемного директора торгового или промышленного предприятия, либо, наконец, в качестве клерка, с вознаграждением за труд всегда выше того, которое он платил своим рабочим.

Риски для рабочего бесконечно выше. Прежде всего, если предприятие, в котором он работает, обанкротится, он останется без работы на несколько дней, а часто и на несколько недель: а для него это больше, чем разорение, это смерть; ведь каждый день он проедает все, что заработал. Сбережения рабочего – это голубая сказка, придуманная буржуазными экономистами, чтобы заглушить слабое чувство справедливости, угрызения совести, которые могут быть случайно пробуждены в их собственном классе. Эта нелепая и мерзкая сказка никогда не заглушит страдания рабочего. Он знает, во что обходится ему удовлетворение ежедневных потребностей его большой семьи. Если бы у него были хоть какие-то сбережения, он не стал бы посылать своих бедных детей, начиная с шестилетнего возраста, истощать себя, угасать, быть физически и морально убитыми на фабриках, где их заставляют работать днем и ночью, по двенадцать, а часто и по четырнадцать часов в сутки.

Даже если рабочий иногда делает небольшую экономию, она очень быстро поглощается днями вынужденной безработицы, которые слишком часто и слишком жестоко прерывают его работу, а также непредвиденными несчаст-

нечно лучше оплачиваться, чем их труд. Это будет работа по управлению и эксплуатации, а не по производству.

Но разве управленческая работа не является производительным трудом? Несомненно, да, ибо без хорошего и разумного управления ручной труд не дал бы ничего, или дал бы мало и плохо. Но с точки зрения справедливости и полезности самого производства вовсе не обязательно, чтобы эта работа была монополизирована в моих руках и, более того, чтобы она оплачивалась выше, чем ручной труд. Кооперативные ассоциации доказали, что рабочие умеют и могут очень хорошо управлять промышленными предприятиями с помощью рабочих, которых они избирают из своих рядов и которые получают такое же вознаграждение, как и остальные. Поэтому если я сосредоточиваю в своих руках административную власть, то это делается вовсе не для блага производства, а для моего собственного блага, для блага эксплуатации. Как абсолютный хозяин своего заведения, я получаю за свой рабочий день в десять, двадцать, а если я великий промышленник, то часто и в сто раз больше, чем получает мой рабочий, несмотря на то что мой труд, без всякого сравнения, менее тяжел, чем его.

Но капиталист, глава предприятия, как утверждается, рискует, а рабочий – нет. Это не так, потому что даже с этой точки зрения все минусы на стороне рабочего. Глава заведения может плохо вести бизнес, быть уничтоженным конкурентами, стать жертвой крупного коммерческого кризиса или непредвиденной катастрофы; одним словом, он может погубить себя. И это правда. Но видели ли вы когда-нибудь, чтобы буржуазные промышленники разорялись и доходили до такого состояния нищеты, что они сами и их семьи голодали или были вынуждены становиться рабочими? Этого почти никогда не случается, можно даже сказать – вообще никогда. Во-первых, редко какой промышленник не сохраняет что-то, каким бы разорен-

минимумом, необходимым для существования»⁴.

Жан Батист Сэй, истинный отец буржуазных экономистов во Франции, также сказал:

«Зарботная плата тем выше, чем больше спрос на труд и меньше предложение, и тем ниже плата, чем больше предложение труда и меньше спрос на него». Именно соотношение спроса и предложения регулирует *цену на этот товар, называемый трудом работника*, также как и на все остальные общественные услуги. Когда заработная плата немного превышает *уровень, необходимый для того, чтобы семьи рабочих могли содержать себя*, детей становится больше, и увеличение предложения вскоре становится пропорционально увеличению спроса. С другой стороны, когда спрос на рабочих отстает от количества людей, предлагающих себя для работы, *их заработок падает ниже уровня, необходимого классу для поддержания прежней численности. Семьи, наиболее обремененные детьми, исчезают; следовательно, предложение труда уменьшается*, и, поскольку труд менее доступен, цена его повышается... Таким образом, *трудно, чтобы цена труда простого рабочего поднималась или опускалась ниже уровня, необходимого для поддержания класса (рабочих, пролетариата) в том количестве, которое нам необходимо»⁵.*

⁴ Примечание Бакунина здесь вело к книге на французском очень старого издания. Мы здесь помещаем русский перевод этой книги – «Размышления о создании и распределении богатства», 1905 г, с. 4.

⁵ Полный курс политической экономии (прим. Бакунина).

Прочитав Тюрго и Ж. Б. Сэя, Прудон восклицает:

«Цена, как и стоимость (в нынешней социальной экономике), есть нечто по существу подвижное, следовательно, по существу изменчивое, и что в своих колебаниях регулируется только конкуренцией, – конкуренцией, не будем забывать, которая, как согласны Тюрго и Сэю, имеет *необходимым* следствием предоставление в заработной плате рабочему только того, **что только предохраняет его от голодной смерти**, и поддерживает класс на необходимом нам уровне численности⁶».

Таким образом, текущие цены на предметы первой необходимости – это постоянная, обычная мера, выше которой заработная плата рабочих не может расти долго или много, но ниже которой она слишком часто падает, что всегда приводит к голоду, болезням и смерти, пока не *исчезнет* достаточное количество рабочих, чтобы предложение труда стало не равным, а соответствующим спросу.

То, что экономисты называют равенством между спросом и предложением, еще не есть равенство между тем, кто требует, и тем, кто предлагает. Предположим, что мне,

⁶ Не имея под рукой вышеупомянутых работ, я заимствую все эти цитаты из «Истории революции 1848 года» Луи Блана. Месье Луи Блан сопровождает их следующими словами:

«Таким образом, мы хорошо предупреждены. Теперь мы знаем, вне всякого сомнения, что, по мнению всех докторов старой политической экономики, заработная плата не может иметь иного основания, кроме соотношения между спросом и предложением, даже если из этого следует, что вознаграждение за труд ограничивается тем, что *строго необходимо для того, чтобы рабочий не умер с голоду*. Тем лучше, и остается только повторить слова, которые ускользнули от искренности Смита, главы этой школы: «*Это мало утешает людей, у которых нет другого средства существования, кроме труда*». (Примечание Бакунина).

фабриканту, нужно приличное количество рабочих, а на рынке имеется ровно сто, только сто, – ведь если бы их было больше, предложение превысило бы спрос, возникло бы явное неравенство в ущерб рабочим, а следовательно, и снижение заработной платы. Но поскольку в наличии имеется только сто штук, а мне, производителю, нужно именно это количество, ни больше, ни меньше, то на первый взгляд кажется, что налицо полное равенство: спрос и предложение равны одному и тому же числу, они обязательно равны друг другу. Следует ли из этого, что рабочие смогут требовать от меня зарплаты и условий труда, обеспечивающих им действительно свободное, достойное и гуманное существование? Вовсе нет. Если бы я предоставил им эти заработную плату и условия, я, капиталист, зарабатывал бы не больше, чем они, и зарабатывал бы только при условии, что работал бы так же, как они. Но с какой стати я должен мучить и губить себя, предлагая им преимущества своего капитала? Если я хочу работать сам, как они, я вложу капитал в другое место под как можно более высокий процент, а сам буду предлагать свой труд какому-нибудь другому капиталисту, как они предлагают его мне.

Если, пользуясь правом инициативы, которое дает мне мой капитал, я прошу эти сто рабочих прийти и оплодотворить его своим трудом, то это вовсе не из сочувствия к их страданиям, не из духа справедливости и не из любви к человечеству. Капиталисты – не филантропы; занимаясь этим ремеслом, они погубили бы себя. Это потому, что я надеюсь, что смогу заработать на их работе достаточно денег, чтобы жить достойно, богато и одновременно увеличивать свой любимый капитал, не работая. Или я тоже буду работать, но иначе, чем мои работники. Мой труд будет иметь совершенно иную природу, и он будет беско-